

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ПРОЗЫ «НОВОГО РЕАЛИЗМА»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 92061302
Жиленковой Юлии Сергеевны

Научный руководитель
к.фил.н., старший преподаватель
Машукова Д.А.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. «Новый реализм» как художественное течение в русской литературе XXI века	6
§ 1. «Новый реализм» в современной литературе	6
§ 2. Концепция человека в прозе «нового реализма»	9
Глава II. Нравственная проблематика в прозе «нового реализма»	14
§ 1. «Новый реализм» в художественной эстетике Р. Сенчина	14
1.1. Проблема маргинального героя в романе Р. Сенчина «Елтышевы»	17
1.2.1. Нравственная проблематика романа Р. Сенчина «Зона затопления»	22
1.2.2. Нравственные ориентиры героев Р. Сенчина	24
§2. Нравственные проблемы и их преломление в творчестве З. Прилепина	31
2.1. Новый герой в художественном отображении правды жизни в романе З. Прилепина «Санька»	31
2.2. Проблема нравственности и ее художественное решение в романе З. Прилепина «Обитель»	41
§3. Дидактическое воплощение темы ВКР в практике преподавания литературы в школе	48
Заключение	53
Библиографический список использованной литературы	56
Приложение	61

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI столетия в русскую литературу «ворвалась» плеяда молодых писателей, чей творческий метод, по мнению Захара Прилепина, принципиально отличается от постмодернистской манеры письма, признанной официальной критикой в качестве главенствующего культурного стиля эпохи [Цит. по: Юрьев 2016: 4]. Различная по фактуре и содержанию, проза молодых позиционирует себя проводником классической традиции и вводит в научный обиход понятие «новый реализм».

«Новый реализм» – совокупное творческое пространство, в котором активно проявляют себя писатели и литераторы наших дней. Среди них З. Прилепин, Р. Сенчин, С. Шаргунов, Д. Гуцко, Г. Садулаев, И. Абузяров, А. Бабченко, А. Рудалев, А. Ганиева, В. Пустовал, Е. Погорелая. С одной стороны, это литература тех, кто молод, кто рассматривает эпитет «новый» не только как характеристику определенного типа повествования, но и как важный знак автопрезентации. С другой стороны, «новые реалисты», критикуя постмодернизм как искусство, не интересующееся судьбой современного человека, отстаивают интересы классической русской литературы с ее психологическим антропоцентризмом и социальным критицизмом. У русского «нового реализма», история которого насчитывает чуть больше десяти лет, есть своя художественная проза, эссеистика, литературная критика, присутствуют манифесты и автобиографии тех, кто создает этот тип творческой деятельности. Специфика термина «новый реализм» поясняется в ряде метафорических номинаций: «клинический реализм», «радикальный реализм», «гиперреализм», «трансавангард». Теоретическое осмысление «нового реализма» исследуется в работах В. Пустовой, А. Ганиевой, Е. Погорелой, Л. Сычевой, Н. Ивановой, А. Латыниной, В. Бондаренко, А. Рудалева, М. Бойко, С. Белякова. Данное направление уже сыграло заметную роль в литературном процессе начала XXI века и, следовательно, достойно изучения.

«Новый реализм» представляют хорошо издаваемые, часто читаемые и обсуждаемые авторы, среди которых главные позиции занимают три писателя – Р. Сенчин, З. Прилепин, С. Шаргунов. «Новый реализм» претендует быть современной формой бытования классических традиций русской литературы. Здесь активно идет поиск современного героя и происходит обретение оптимистического миропонимания, борьба с пессимизмом и негативизмом, что чрезвычайно важно для решения проблемы «художественная литература и нравственное воспитание». В границах «нового реализма» ставится вопрос о литературе как необходимой составляющей воспитательного процесса.

Р. Сенчин – один из популярных современных писателей. Его книги зеркально отображают жизнь. Он не склонен усложнять повествование литературными излишествами. Он пишет романы, повести, рассказы, выступает как литературный критик, публицист, активно поддерживает движение, которое часто называют «новым реализмом». «Кредо, основанное на одном жестком принципе: писать близко к жизни», – считает А. Ганиева [Ганиева 2010: 235]. Он относится к тем мастерам словесности, которым удалось создать свой узнаваемый мир.

З. Прилепин, еще один современный писатель, также является представителем «нового реализма». Именно богатая событиями жизнь предопределила целостность Захара Прилепина как журналиста и писателя. Сегодня он – один из самых популярных писателей современной России. Его книги издаются многотысячными тиражами, критики хвалят его работы, а читатели восхищаются глубокой философской подоплёкой его произведений.

Главные и постоянные темы данных представителей нового направления – заедание человека средой, бытовое рабство, безволие, бессильная деградация, беспросветность и косность.

Изменения, которые происходят в современном мире, обуславливают необходимость обращения к данной теме, так как взгляды Р. Сенчина и З. Прилепина, их опыт и жизненный опыт их героев играют

огромную роль в формировании нравственных аспектов современного общества.

Таким образом, изучение проблематики, представленной в тексте данных авторов, является **актуальной** проблемой нашей дипломной работы.

Объект исследования – романы Р. Сенчина «Зона затопления» (2015) и «Елтышевы» (2009), романы З. Прилепина «Санькя» (2006) и «Обитель» (2014).

Предмет исследования – нравственная проблематика романов Р. Сенчина «Зона затопления» и «Елтышевы», романов З. Прилепина «Санькя» и «Обитель».

Цель настоящего исследования – анализ нравственной проблематики романов Р. Сенчина «Зона затопления» и «Елтышевы», романов З. Прилепина «Санькя» и «Обитель» и описание ее особенностей.

Поставленная нами цель исследования определила следующие **задачи**:

1. рассмотреть понятие «нового реализма» в современном литературоведении;
2. выявить степень значимости «нового реализма» в художественном сознании Р. Сенчина и З. Прилепина;
3. определить особенности нравственной проблематики романов Р. Сенчина и З. Прилепина: «Зона затопления», «Елтышевы», «Санькя», «Обитель».

В работе были использованы **методы** проблемно-тематического, сравнительно-исторического и сравнительно-типологического анализа с элементами интертекстуального анализа.

Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, Основной части, Заключения, Библиографического списка использованной литературы, Приложения.

Выпускная квалификационная работа прошла апробацию на XVII Студенческой научно-практической конференции, посвященной Году экологии в Российской Федерации (2017).

Глава I. «НОВЫЙ РЕАЛИЗМ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТЕЧЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

Словосочетание «новый реализм» с 2001 года и по сей день занимает прочное место на страницах литературно-критических журналов. При этом четкого понимания границ и сущности явления, обозначаемого этим понятием, до сих пор не сформировалось, что дает возможность разным критикам и литературоведам трактовать его крайне субъективно в зависимости от индивидуального взгляда на литературный процесс.

§ 1. «Новый реализм» в современной литературе

«Новый реализм» – совокупное творческое пространство, в котором активно проявляют себя писатели и литераторы наших дней.

К литературе «нового реализма» критики причисляют С. Шаргунова, Д. Новикова, А. Бабченко, З. Прилепина, Д. Гуцко, А. Карасева, И. Мамаеву, Д. Орехова, В. Орлову, А. Снегирева, И. Денежкину и др. Кроме того, яркое позиционирование себя и своей принадлежности к «новому реализму», постоянное манифестирование идей, яростные споры о новой литературе говорят, скорее, о том, что это вариант существования литературной группы.

«Новый реализм» понимается, прежде всего, как живое явление современной литературы, занимающее пограничное положение между традиционным реализмом с его «типическими характерами в типичных обстоятельствах» и постмодернизмом, а также другими авангардными течениями.

Но спор об этом термине идет вот уже десять лет. Если критики старшего поколения, как, например, А. Латынина утверждают, что «новый реализм» явление вовсе не новое, да и скучное по своей сути, так как повторяет все то, что уже было ранее [Цит. по: Черняк 2012: 128], то идеологи этого направления наделяют его чуть ли ни миссианской ролью: «Новый реализм занят исключительным, а не общепринятым, не статистикой, а взломом базы данных о современном человеке. Новый

реализм видит в человеке «правду» боли, слабости, греха, но отображает его в масштабах истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель. В произведении нового реализма сюжетобразующим фактором часто становится энергия личности героя» [Пустовая 2005: 123].

«Новый реализм – это литературное направление, отмечающее кризис пародийного отношения к действительности и сочетающее маркировки постмодернизма («мир как хаос», «кризис авторитетов», акцент на телесность), реализма (типичный герой, типичные обстоятельства), романтизма (разлад идеала и действительности, противопоставление «я» и общества) с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность, искания, неудовлетворенность и трагический жест. Это не столько даже направление как единство писательских индивидуальностей, а всеобщее мироощущение, которое отражается в произведениях, самых неодинаковых по своим художественным и стилевым решениям» [Ганиева 2010: 140].

Цель «нового реализма» – следовать за быстро меняющейся действительностью, не навязывая ей заранее определенных идеологем. Ему присущи автобиографические принципы повествования, стремление автора реализоваться в роли главного героя, соотнести персональную судьбу с судьбой персонажа. Одно из значимых начал «нового реализма» заключается в интересе молодого писателя к собственной жизни, персональному опыту, современности, пропущенной через личную биографию, поиске нового героя, соответствующего запросам времени в контексте утверждения позитивных жизненных начал. Сторонники «нового реализма» активно противопоставляют искусство драматического оптимизма безграничному цинизму и мировоззренческому пессимизму постмодернистского метода.

Эпитет «новый» по отношению к произведениям молодых авторов звучит часто. Так, например, критики называют прозу Р. Сенчина («Елтышевы», «Зона затопления») новой социальной прозой о маленьком человеке, прозу А. Бабченко («Алхан-Юрт»), А. Карасева («Запах сигарет»)

и З. Прилепина («Патология») новой военной прозой, произведения Г. Садулаева («Я-чеченец») – новой национальной прозой, повести Н. Ключаревой («Россия: общий вагон») новой антиутопией, а произведения И. Мамаевой («Земля Гай») – новой деревенской прозой.

Правда, именно этот эпитет становится предметом дискуссий, даже самих так называемых «новых реалистов». Так, например, Д. Гуцко с иронией отмечает: «Как ни крути, но магическим прилагательное «новый» стало не так давно, в обществе потребления. Производители компьютерного софта выбрасывают на рынок новые версии программ, в которых нов, быть может, только цвет кнопочек. Немудреная, но ведь действенная стратегия. Срабатывает она, как оказывается, и в литературной критике. Крикнул «новый» – полезай в корзину, дома разберемся. «Новый реализм» – это такой специальный загон, аттракцион под названием «литературная коррида»: здесь каждый может заколоть быка, которого привел с собой, – постмодерниста, ненового реалиста. Это еще и такая портативная кафедра, которую можно разложить в любом удобном месте и высказаться об уровне духовности, о нравственных началах, о цинизме нового/старого поколения» [Гуцко 2007: 103].

Эта же мысль звучит и в статье критика О. Лебедушкиной: «Бесконечно выкрикиваемые «манифесты» и «декларации» чего-то там «нового» окончательно растеряли даже внешние признаки какой бы то ни было новизны. Этого-то повторения витков – что в литературе, что в жизни – и боишься. Другой вопрос, что там, где читателю, у которого память подлиннее, мерещится заевшая пластинка истории, другим представляется абсолютная новизна, на деле оказывающаяся пустотой на месте тектонической трещины» [Лебедушкина 2006: 2].

Во многом это связано с культурной оторванностью от литературной традиции. Не случайно герою повести С. Чередниченко «Потусторонники» кажется, что он живет «между XIX в. и пустотой». «Серапионы» тоже считали себя поколением революции, которая убрав массу «старых» фигур,

расчистила перед ними литературное пространство, благодаря чему они приобрели возможность совсем молодыми энергично войти в литературу и быстро стать «классиками».

В начале XXI в. молодые писатели-«новореалисты» стали постоянными авторами «толстых литературных» журналов и ежегодных выпусков «новые писатели России». Значимым оказывается то, что представители «нового реализма» создают не только и не столько художественный текст, но в большей степени – текст жизни; они спорят, манифестируют, декларируют, создают образ, творят миф. Литература начала предъявлять те простые и грубые темы, которые, казалось бы, рядом, стоит руку протянуть. Но каждая тема затрагивает всякий раз отдельную среду, пусть среды и пересекаются. Это то, про что долго почти ничего не писали и о чем значительная часть литературной публики имеет смутные представления.

§ 2. Концепция человека в прозе «нового реализма»

Одной из основных проблем творчества представителей «нового реализма» стал поиск нового человеческого идеала и гармонии в современном мире. Само время – рубеж столетий, столкновение эпох – делает такие вопросы актуальными, ставит человека перед нравственным выбором. От людей требуются поступки, участие в историческом творчестве, которого невозможно избежать, так как личность помимо воли вовлекается в поток времени. Можно уйти от активного действия, подчинившись обстоятельствам, или бороться, утверждая себя. По мнению современных реалистов, реальный человек объединяет в себе эти два начала: в его душе звучат и мертвые, и живые струны.

Неоднозначное и весьма противоречивое понимание роли человеческой личности, ее предназначения и определяет пафос и проблематику произведений писателей представленного литературного течения.

Первоначально и в творчестве современных писателей существовали и романтические тенденции, предполагавшие поиск идеальных, сильных и

незаурядных характеров. Но романтическая позиция оказалась не жизненной, исчерпанной для современного мира, поэтому решающее слово осталось за автором-повествователем, человеком, не принимающим буржуазный мир, отчасти романтиком, которого привлекают сильные, незаурядные натуры, но в целом реалистом.

Так на смену романтизму приходит реализм, который заставляет забыть все прекрасное на суровое, обнажив самое дно жизни.

Примечательно, что теперь реализм не простой, а «новый», что говорит о новых реальностях, вызовах современности, с которыми приходится сталкиваться и авторам, и героям. Они для России действительно новы, во многом уникальны. Развал империи, войны, социальная несправедливость, терроризм и нарастание протеста. К этому можно добавить романтизм и радикализм молодого поколения.

Именно поэтому молодым реалистам так важна социальность. Писатель должен быть включён в современность, чувствовать её токи, чтобы транслировать в вечность.

«Новый реализм» – это не реальность, это вера в ее перерождение, переустройство. Даже эпитет «новый» говорит нам об этом. Он иллюстрирует призыв к созданию новой реальности. И в этом плане «новый реализм» – это сила протеста. Это оппозиция, альтернатива, которая свидетельствует о том, что мир вокруг нас может и должен меняться.

Как известно, смена направлений влечет за собой и смену типа героя, определяющего своеобразие авторского замысла, и его мироощущения. В «новом реализме» рождается новый герой – человек, который нравственно болен: он странник, скиталец, неприкаянная душа. Такой герой не принимает законы и структуру мира, а поэтому становится в нем неустроенным. В результате такой неустроенности герой решается на самореализацию. Чаще всего самореализация проявляется в личной автономии, ухода в себя, либо взрыва, бунта, открытого противоборства. Как правило, в результате такой

борьбы, человек отстраняется от всего, перестает нести веками, создаваемые традиции и нравственные законы. В литературе такой тип героя получил название «маргинальная личность».

В современной литературе явление маргинализации наиболее яркое отражение получило в произведениях Р. Сенчина и З. Прилепина, которые смогли показать читателям огромную трагедию, произошедшую в душах и характеров их главных героев.

Писатели в своих произведениях делают акцент именно на противоречивом характере современного мечущегося человека, анализируя драму его жизни.

Герои произведения «Елтышевы», автором которого является Р. Сенчин, – обычная среднестатистическая семья, после развала СССР, с горем пополам приспособившаяся к новой социальной реальности.

Герои романа «Зона затопления» – деревенские жители, которые узнают весть о скором затоплении их селения, имеющего историю, длиной в триста пятьдесят лет. Они, давно пустившие глубокие корни в сибирских краях, осознают, что придется сорваться с насиженных мест, бросить жилища, забыть о родных тропинках, оврагах, опушках, забыть о том, что была когда-то такая деревня, да теперь скрылась под водой искусственного водохранилища.

Герои произведения «Обитель» З. Прилепина *«домушники, взломщики, карманники, воры-отравители, железнодорожные воры и воры вокзальные, ... содержатели малин и притонов, скупщики краденого, фармазоны, которые ... липовые пачки денег используют для покупки, обманывая крестьян...»* (Прилепин 2014: 138).

Персонажи в романе «Санькя» базируются на противопоставлении двух враждующих групп: молодых ребят и девушек из партии «Союз созидателей» и их врагов – идеологических противников и людей, работающих на государственную власть, целью которых является пресечение деятельности партии.

Отсутствие героев с сильной жизненной позицией, с ясной целью, которая осознавалась бы как раз и навсегда выбранный план – закон для художественного мира Р. Сенчина и З. Прилепина. Сильные личности с четким и сознательно принятым жизненным заданием редко попадают в их художественный мир. Им больше интересен человек с размытыми ориентирами, с сознанием, которое не сделало выбор. Им важно показать одинокого человека, остающегося наедине с собственным непросветленным сознанием. Такой личности не может помочь ни четко оформленная идеология, ни политическая партия, ни рационализированная философская система. Все, что способно ясно обозначить путь, остается за пределами повествования.

Во всех произведениях данных писателей, благодаря системе образов, выражается главная идея нового реализма – идея о том, что все существующие на сегодняшний день системы ценностей нежизнеспособны.

«Новый реализм» имеет характерные признаки искусства, стремящегося найти правду и справедливость, желающего изменить мир в лучшую сторону. Главные герои в произведениях авторов-реалистов совершают свои открытия и умозаключения, после долгих раздумий и проведения глубокого самоанализа.

На первый взгляд, действительно, писатели наблюдают за тем, как складываются судьбы, характеры, то есть за развитием самой жизни. Но, переплавленная в искусство, жизнь, во всей своей естественности и полноте, становится действенным средством нравственного воспитания человека. Вот почему слова самих авторов мы часто слышим из уст его героев как реалистических, так и романтических. В реальном человеке представителей «нового реализма» привлекает то небытовое, необычное, что, как правило, гибнет и в нищем, и в буржуазном мире, но что возможно спасти, сохранить, не утратив внутреннюю, духовную свободу.

На основании рассмотренного теоретического материала по «новому реализму как художественному течению в русской литературе XXI можно сделать ряд выводов.

«Новый реализм» – литература молодого поколения, способ самоидентификации авторов, только вошедших в литературу. «Новый реализм» – это прямая принадлежность к русской культуре и традиции, это одно из проявлений нации перед реальной опасностью потери своей идентичности.

Специфическая черта художественного мира писателя «нового реализма» заключается в том, что автор всегда выходит за рамки основной проблемы, лежащей на поверхности, расширяя конфликт до универсальных масштабов. Писатели изображают современный мир как время перелома, утраты прежних ценностей и идеалов, где почти нет надежды на возрождение. Люди в этом мире обречены на страдание и смерть, и трагизм усиливается за счет того, что это касается и молодых людей.

Герои «нового реализма» – люди душевно чуткие, подвижные, способные к рефлексии и глубокому анализу себя и окружающих людей. Именно потому, что неустроенность современного мира всеобъемлюща и безнадежна, по концепции писателя, даже лучшие люди здесь вынуждены бороться до последнего за свое существование и за свое счастье.

Благодаря наличию временных реалий и созданию полнозвучных человеческих характеров, произведения представителей «нового реализма» кажутся абсолютно достоверными и актуальными.

Глава II. ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРОЗЕ «НОВОГО РЕАЛИЗМА»

§ 1. «Новый реализм» в художественной эстетике Р. Сенчина

Роман Сенчин считается вторым идеологом нового реализма, наряду с Сергеем Шаргуновым. В различных интервью и статьях он рассказывает, что познакомился с С. Шаргуновым в октябре 2001 года (до выхода статьи «Отрицание траура», которая увидела свет в декабре 2001 года) на первом Форуме молодых писателей в подмосковном пансионате «Липки» и обнаружил явное сходство своих мыслей с декларациями Шаргунова, позже ставшие доступными читателям в брошюре «Молодые писатели России». Отрывки из брошюры Сенчин приводит в своей статье в газете «Литературная Россия», и сходство мы обнаруживаем в том, что и Сенчин, и Шаргунов говорят о появлении нового поколения в российском обществе, которое призвано изменить литературу. Сенчин опубликовал статью, судя по названию, также претендующую на роль манифеста, еще до выхода в печати статьи Шаргунова «Отрицание траура», в Интернет-журнале «Пролог» в 2001 году – «Новый реализм – направление нового века» (возможно, статья «Отрицание траура» на тот момент тоже была написана и ждала публикации). В этих двух программных документах, первый из которых оказался незамеченным литературным миром, много сходных мыслей.

1. Пренебрежительное отношение к «сюрреалистам, постмодернистам, авангардистам, мастерам филологической прозы» [Цит. по: Серова 2015: 104]: «всё слабее восторги по поводу очередного филологического выкрутаса» [Цит. по: Серова 2015: 104]; «Десятилетнее господство постмодернизма, похоже, завершается. Он явился в своё время естественной реакцией, протестом против господства соцреализма, во многом искусственного, выхолощенного направления, подчинённого идеологии Советского государства. Но, как показывает история, и постмодернизм не стал органичным, родным русской литературе направлением»

[Цит. по: Серова 2015: 104]; «...сегодня главное, кажется, в том, чтобы снова обрести доверие читателя, того российского читателя, который воспитан на русской классике и очень больно обжётся в начале девяностых годов, когда эта литература была заслонена потоком странных эпатажных, и, как оказалось, бесплодных экспериментов» [Цит. по: Серова 2015: 104].

2. Современная литература, по мнению Р. Сенчина, возвращается «к традиционному языку, традиционной форме, традиционным и, наверное, вечным темам, проблемам»; «всё ощутимей дыхание наследия И. Бунина, А. Твардовского, Ю. Казакова, Н. Рубцова...» [Цит. по: Серова 2015: 104].

3. Почти буквальное совпадение в разговоре о «серьезности»: «Литература стала серьёзней, в ней меньше и меньше словесной игры, «стёба», «приколов»; эпатажем как самоцелью уже никого не удивишь, не заинтересуешь» [Цит. по: Серова 2015: 104].

4. Неприятие массовой литературы: «Фикшн», «экшн» – неперемные движущие силы беллетристики – отступают на второй план» [Цит. по: Серова 2015: 104]. Даже тенденция к преобладанию произведений, написанных от первого лица, по мнению Сенчина, есть «сознательный или бессознательный протест против «чтива» [Цит. по: Серова 2015: 104]; «публика стала уставать от поглощения примитивнейших кровавых боевиков и сказочноподобных женских романов» [Цит. по: Серова 2015: 105].

5. В современности Сенчин пока не видит, но в будущем литературы хочет видеть способность «с наибольшей яркостью показать психологию многих людей, создать типические образы, глубоко и многообразно раскрыть сложность, неоднозначность бытия» [Цит. по: Серова 2015: 105].

6. Сенчин произносит фразу, которую С. Шаргунов подхватит позже и будет повторять неоднократно: «Роман В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» – наиболее, думается, наглядный пример новых возможностей реализма: синтез традиционного и авангардистского» [Цит. по: Серова 2015: 105]. У С. Шаргунова эта фраза превратилась в устойчивую формулу «найти авангардизм в консерватизме».

7. Надежды на новое поколение: «Сегодня в литературу входит новое поколение писателей, многим из которых пока нет и двадцати лет. Они росли и воспитывались уже в новой стране, в новых социальных условиях, перед ними изначально открыты широчайшие горизонты отечественной и мировой культуры» [Цит. по: Серова 2015: 105].

8. Предвещание той свежести, которую принесут в литературе молодые авторы, свободные от идеологических и эстетических ограничений, накладывавшихся на себя писателями старших поколений: «...и не удивительно, что их произведения нередко глубоки, зрелы, свободны, многогранны. И, что очень отрадно, молодые авторы с первых же своих шагов ориентируются на традиции русской литературы, на обновлённый, очищенный от давящих на писателей старших поколений идеологических табу, реализм» [Цит. по: Серова 2015: 105] .

Р. Сенчин, в согласии с С. Шаргуновым, в качестве задачи нового искусства выдвигает задачу «вернуть слову вес и ценность» и говорит о том, что Шаргунов, Орлова, Рудалев «создают новый образ жизни, возвращают ценность незаслуженно обесцененному, и в этой работе принципы нового реализма оказались им серьёзным подспорьем» [Цит. по: Серова 2015: 105]. Как видим, Р. Сенчин, говоря о слове, имеет в виду не язык, а понятия, скрывающиеся за «высокими», «банальными» словами.

Р. Сенчин без преувеличения единственный писатель, который ни разу не опроверг свою принадлежность к новому реализму, при этом имея в виду свое понимание этого понятия: «Для меня новый реализм – художественный документ времени во всем его многообразии. Но, знаю, Сергей Шаргунов, Сергей Казначеев, Владимир Бондаренко вкладывают в этот термин несколько иные смыслы. Себя я считаю новым реалистом» [Цит. по: Серова 2015: 105].

1.1. Проблема маргинального героя в романе Р. Сенчина «Елтышевы»

Понятие маргинальности вошло в научный оборот в XX веке. Оно характеризует переходные исторические, социальные, культурные эпохи и является предметом исследования многих областей гуманитаристики. Маргинальность как социологическое понятие обозначает промежуточность, пограничность, состояние человека между какими-либо социальными группами, «на грани двух культур, участвующих во взаимодействии этих культур, но не примыкающих полностью ни к одной из них».

Термин «маргинальный человек» был введен Р. Парком – американским социологом в 1928 году. Р. Парк указал, что промежуточность порождает особый тип личности, характеристиками которой является утрата психологической стабильности, чувство морального дискомфорта, конфликта, что приводит к апатии, ощущению бессмысленности существования либо к раздражимости, агрессии, асоциальности.

В аспекте маргинализации особый интерес представляет литература «нового реализма» и, в частности, проза Романа Сенчина, чье творчество связывают с этим направлением. По мнению А. Рудалева, известного критика из поколения «сорокалетних», эпитет «новый» «свидетельствует не о принципиальной новизне литературы, не является характеристикой культурного и эстетического феномена, а говорит о новых реальностях, вызовах современности, с которыми приходится сталкиваться авторам» [Рудалев 2015: 3].

Открытая социальность Сенчина, обращение к теме «маленького человека», особая роль бытовых деталей, документализм, обусловленность характера социальными обстоятельствами свидетельствуют о следовании реалистической традиции. Сам писатель неоднократно указывал на «возвращении реализма» в нашу литературу, подчеркивая такие его отличительные черты, как «человеческий документ», незначительность беллетристических приемов и большую достоверность прозы.

В романе Р. Сенчина «Елтышевы» идет своеобразный диалог с «деревенской» прозой, об этом свидетельствует и «мысль семейная», и сюжет «возвращения к истокам», и образ старухи Татьяны, хранительницы традиционного уклада, и тип героя-маргинала, «маленького человека». Но в «Елтышевых» показаны распад дома и семьи, маргинализация самой человеческой породы, значительной части общества в новых социальных обстоятельствах постсоветской России.

Завязкой романа становится событие, обозначенное точной датой – 24 апреля 2003 года и ставшее началом социальной и нравственной люмпенизации семьи, когда глава семьи Елтышевых – пятидесятилетний капитан милиции Николай Михайлович закрыл четырнадцать беспокойных клиентов районного вытрезвителя в «комнатушке», *«метра четыре квадратных с большой батареей-змеевиком», да еще приказал «прыснуть» перца через скважину, так что «пятеро угодили в реанимацию с отеком легких»* (Сенчин 2009: 5). После его увольнения и выселения из ведомственной квартиры семья переезжает из районного городка к тетке в деревню. Через три года в живых останется лишь больная Валентина Викторовна. Погибнут тетка Татьяна, в смерти которой, очевидно, виноват глава семьи, и старший сын Артем, нечаянно убитый отцом в ссоре. В первый же вечер после возвращения из заключения будет зарезан младший Денис, получивший пять лет колонии за то, что *«в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном»* (Сенчин 2009: 3).

Фабульное время романа «Елтышевы» расширяется за счет коротких воспоминаний мужа и жены о молодости, начиная с шестьдесят пятого года, когда юная Валентина приехала учиться в город. И катализатором трагических событий в сюжете стала не только (а иногда и не столько) социально-нравственная атмосфера в России начала нового тысячелетия, но и структура личности, неразличение границ между добром и злом. Р. Сенчин доводит тенденцию к «порче» характера до крайнего предела.

В социологическом аспекте герои – Валентина Викторовна, приехавшая из деревни в пятнадцать лет, окончившая библиотечный техникум, ставшая заведующей городской библиотекой, и Николай Михайлович, выросший в бараке и, скорее всего, горожанин во втором поколении, – повысили свой социальный статус, являя собой пример «восходящей» маргинальности.

В культурологическом аспекте герои Сенчина остались людьми промежутка. Они не сохранили ценности и нравственные нормы традиционной культуры, «растеряли родню», но и не вошли в мир подлинной городской культуры, приобщившись лишь к ее внешним материальным атрибутам. Не случайно ни у них, ни у сыновей нет друзей и даже приятелей, и на работе с обоими расстались без сожалений. Но чужой для них окажется и деревня. Объективированное повествование от лица всезнающего автора окрашено видением персонажей, которые по очереди «ведут» рассказ, что позволяет раскрыть внутренний мир семьи Елтышевых.

В описании семейного уклада Елтышевых ключевую роль играют вещные детали, связанные либо с ростом благосостояния (жизнь в городе), либо с неустроенностью (деревня). Смысл существования семьи ограничивается конкретно-прагматическими целями, вещи служат для Елтышевых единственным доказательством «правильной» городской жизни (в частности, дорогая стеклянная тумбочка – знак благополучной жизни начала «нулевых», которая была достигнута благодаря «блатной» должности Николая Михайловича, позволяющей обирать «алкашей»). Единственное «духовное» развлечение – телевизор с «полуголыми девицами». Эта деталь так часто упоминается в романе, что предстает как сверхценность для персонажей.

Профессия и должность Валентины Викторовны не наложила никакого отпечатка на героиню, располневшую, «с окаменело-угрюмым выражением лица», лишенную каких бы то ни было духовных запросов. Позже, пытаясь устроиться на работу в деревенскую школу, она скажет, что «прекрасно знает

русскую литературу», но только единственный раз у нее мелькнет мысль об утопическом романе, *«то ли Алексея Толстого, то ли Уэльса»* (Сенчин 2009: 32).

Квартире как удобному местопребыванию противопоставлен дом как мироустройство, «теткина изба», вызвавшая у Елтышевых *«нечто похожее на ужас»* (Сенчин 2009: 6). «Домишко»: покряхтевший сруб, развалившийся стол, бугристая штукатурка на стенах, сгнивший пол бани, – станет для них убежищем, местопребыванием. Но дом-изба Татьяны соответствует крестьянскому быту – большая печь, подвал, летняя кухня, стайки для скота и куриц, огород. Именно в тетке Татьяне воплощены традиционные черты русской крестьянки, созданные «деревенской» прозой, – труд как основа жизни, участие в жизни «мира» – восприятие атмосферы сегодняшней деревни как «бесива без остановки», спокойное ожидание смерти, умение общаться и дружить, быть отзывчивым к беде неожиданных родственников, которые не помнили о ней около двадцати лет, но уверенных, что тетка их примет, терпение и деликатность, с которой она старается не мешать Елтышевым, ютясь «в закутке меж столом и буфетом».

Сами Елтышевы «крестьянами так и не стали», возвращение к истокам не состоялось. «Домик-склеп», «черная яма» станет свидетелем их маргинализации, «внутреннего сползания на дно жизни» – семейного пьянства, зверства Николая Михайловича, ставшего убийцей сына, душевной тупости Валентины Викторовны, эгоистического безразличия Артема, живущего в подобной «временке-тюрьме» родителей жены, семья которой имеет такое же бездуховное существование.

Символической характеристикой жизни Елтышевых становятся образы пустоты, которую они ощущают за однообразием бытовых занятий, и «тьмы, которая сгущалась все плотнее». Но в «Елтышевых» присутствует еще один аспект маргинализации современной жизни, обусловленный социальными обстоятельствами постсоветской России, разломом

производственных и социальных структур на селе в результате радикального реформирования сельского хозяйства.

Жители деревни, коренные и «понаехавшие», превращаются в люмпенизированных маргиналов не потому, что они оторвались от родной почвы и культуры, а потому, что «распалась связь времен» и нет той социальной и культурной среды, идеалы и ценности которой могут взрастить, укрепить их душу.

В романе с очерковой точностью изображена «нисходящая маргинализация» людей и социальных групп, которые, в отличие от Елтышевых, еще не отторгнуты от общества, но утрачивают свои социальные позиции, прежние условия жизни и главное, прежнюю систему ценностей. Этот мотив духовной деградации раскрывается через рассказ о семье жены Антона, историю многодетных Хариных.

Деревня в романе является не фоном действия, а художественным доказательством процесса маргинализации как характерного феномена русского общества 1990-х – начала «нулевых» годов. Р. Сенчин, как всякий автор, принадлежащий к русской литературной традиции, оставляет читателю некоторый проблеск надежды. Она появляется в осознании Валентиной Викторовной огрубления своей души и в последнем ее желании продлить жизнь семьи во внуке, в ее настойчивом крике Родиону: «*Ты Елтышев!*» (Сенчин 2009: 55).

Таким образом, роман Р. Сенчина «Елтышевы» свидетельствует о диалоге с деревенской прозой, о развитии присущей этому литературному направлению идеологии, мотивов, образов в современной словесности, но, с другой стороны, Сенчин художественно осмысляет феномен маргинальности в его литературном, культурном, социальном и философском аспекте. В мире Р. Сенчина проблески надежды только подчеркивают общее состояние крушения бытия и маргинализации российского общества, лишённого нравственного смысла и связей с прошлым.

1.2.1. Нравственная проблематика романа Р. Сенчина

«Зона затопления»

«Зона затопления» – роман о том, как в 1974 году на реке Ангара власть решила построить Богучанскую гидроэлектростанцию. Но стройка остановилась почти на тридцать лет по неизвестным причинам. На смену советской власти пришло молодое поколение, для которого теперь деньги важнее, чем людские беды, разрушенные семьи и покалеченные судьбы. Пришли те, которым в стране принадлежит все и решили достроить Богучанскую гидроэлектростанцию. А пока строили – несли горе, рушили мир, построенный не ими, топили деревни, переселяли тысячи человек из затопляемых сел в города, сжигали дома непокорных, уничтожали жизни и судьбы. Кто не хотел уезжать – заставляли. Кого не могли заставить – заставляли иными, далеко незаконными способами.

«Зона затопления» – книга о том, как умирает Россия. Страна, где думают о людях, и только потом о деньгах, где любят природу, чтят традиции и верят в Бога.

Р. Сенчин пишет о стране, в которой затапливается все человеческое. Автор пишет не о плотине, и не о гидроэлектростанции, не о поселках и не о домах, не о погостах, лугах, пастбищах, лесах, а о человеческих чувствах, простых и привычных – дружбе, любви и взаимовыручке.

Роман «Зона затопления» сразу же привлек к себе внимание читателей, поскольку в нем Р. Сенчин поднимает как актуальные проблемы своего времени, так и вечные вопросы существования человека. Это и проблема экологических последствий научно-технического прогресса, и вопрос наступления «городского» уклада жизни на немногие оставшиеся уголки «деревенского», нетронутого цивилизацией, быта людей.

Кроме основных проблем, освещаемых в данном произведении, в повести раскрываются и вечные проблемы: отношений поколений, жизни и смерти, памяти, поиска смысла человеческого существования, совести, любви к Родине.

В небольшом по объему произведении Р. Сенчин смог показать нам глобальные проблемы человеческого существования на земле и в обществе. Он показал различия городского и деревенского укладов жизни, разрушение традиций молодым поколением, отношение народа к власти.

В центре произведения – судьбы людей, Сибирь, город и деревня, власть и «частный» человек, современная Россия. Именно эти образы и определяют тема романа.

В романе экологическая проблема сплетается со многими другими. Но именно с нее и начинается разворачиваться клубок нравственно-философских размышлений автора и его героев. Наука и техника добрались до глухого села и требуют, чтобы оно вообще было стерто с лица земли. Все мы понимаем, что затопление объясняется целями, направленными на улучшение благосостояния всего народа. На Ангаре создается гидроэлектростанция, которая будет вырабатывать электроэнергию для всей страны. Но при этом река разольется, затопит многие пойменные луга, земли, здесь изменится экологическая обстановка.

С другой стороны, переселение с острова, который затопится, в новые необжитые места – трагедия для старожилов деревни. И не только потому, что в городе все чужое, непривычное, но и потому, что на этом острове придется оставить «на потопление» могилы предков. На глазах у героев начинают разорять могилы, сжигать кресты.

Р. Сенчин обращает внимание читателя на то, что в современном мире общегосударственная цель требует человеческих жертв, на первом месте стоит благо всего народа, а не отдельных личностей. Но ведь именно из отдельных людей и состоит народ. Получается, что государство, власть заботится не о членах своего общества, а о самом себе. Поэтому-то и возникают столкновения власти и народа. Власть хочет перенести людей, всю жизнь проживших в деревне, в городские условия. А деревенский житель не приспособлен к такой «нелегкой» жизни, где и вода, и свет, и газ есть в доме, и никуда не надо даже выходить. В квартире он чувствует свою

бесплезность, свою непричастность к жизни. А ведь человек не может долгое время ощущать себя бесполезным.

Неизбежно у читателя «Зоны затопления» возникают параллели с распутинским «Прощанием с Матёрой»: та же Ангара, та же тема – строительство ГЭС и судьбы людей, чьи дома попали в зону затопления. Только Распутин писал о Братской ГЭС, построенной в 60-е, а Роман Сенчин пишет о Богучанской ГЭС, достроенной буквально только что.

Это реальная история расселения десятков деревень при строительстве Богучанской ГЭС, и невольно возникающие параллели с «Прощанием с Матёрой» Валентина Распутина не просто не скрываются, а даже подчеркиваются автором. «Зоной затопления» Р. Сенчин наглядно демонстрирует, что ничего с того времени так и не изменилось, он не боится называть людей и мотивы, стоявшие за решением разморозить стройку. С надвигающимся «затоплением» приходит понимание бесперспективности всей походно-чемоданной жизни, которую вели оставшиеся жители затопляемых деревень последние годы. В то же время герои продолжают заниматься каждодневными делами, начинают ценить свою жизнь, дела.

Таким образом, читатель Сенчина уже не первый раз получает от автора описание времени перемен, периода смены вех, когда неизбежны потери. Происходящее в финале книги Р. Сенчина показано как событие местного масштаба, оно не так явлено, как у Распутина, это не глобальная катастрофа в сознании участников. Происходящее совершается только на глазах данных конкретных героев и не разрастается до сенсации. Тема возведения Богучанской ГЭС, являющаяся одним из крупнейших проектов XXI века, вызывает столь же противоречивые отклики, что и во времена строительства гидроэлектростанций на Ангаре в 50-е – 70-е годы XX века.

1.2.2. Нравственные ориентиры героев Р. Сенчина

На страницах произведений Романа Сенчина мы встречаем близких автору, наполненных похожими чувствами и мыслями, живущих

теми же идеалами и целями, героев. Однако сказать, что прототипом героев Р. Сенчина является сам автор нельзя. Герои Романа Сенчина, попадая на печатные страницы, проходят жесткий психологический отбор.

Отсутствие героев с сильной жизненной позицией, с ясной целью, которая осознавалась бы как раз и навсегда выбранный план – закон для художественного мира Р. Сенчина. Сильные личности с четким и сознательно принятым жизненным заданием редко попадают в его художественный мир. Ему больше интересен человек с размытыми ориентирами, с сознанием, которое не сделало выбор. Еще одна значимая черта – невнимание к идейной стороне жизни, авторский отказ от выбора идеологии и от концептуализации мыслительного процесса героя. Роман Сенчин не интересуется в своих художественных текстах идеологией. Ему важно показать одинокого человека, оставшегося наедине с проблемами.

Герои романа «Зона затопления» – жители деревень, которые узнают весть о скором затоплении их селения, имеющего историю длиной в триста пятьдесят лет. Деревенские жители, давно пустившие глубокие корни в сибирских краях, осознают, что придется сорваться с насиженных мест, бросить жилища, забыть о родных тропинках, оврагах, опушках, забыть о том, что была когда-то такая деревня, а теперь скрылась под водой искусственного водохранилища. Печальная весть воспринята людьми по-разному. Кто-то готов остаться и погибнуть вместе с деревней, кто-то протестует и митингует, кто-то тихо собирает пожитки, кто-то просто плачет: *«Например, Александр Беккер из Кутая. У него был добротный дом, хозяйство, моторная лодка. Пенсии в шесть тысяч хватало. Ему предложили однокомнатную квартиру в Колпинске. Беккер стал просить хоть шесть соток под огород. «Земельные участки не предусмотрены», – ответили ему в администрации. «А на что мне жить? Бутылки собирать?»». И Беккер отказался переезжать...»* (Сенчин 2015: 32).

Подобная история у Любы и ее магазина: *«...хоть Люба Гришина уехала... Всю дорогу сюда Ткачук боялся: причаливают, и появляется Люба...»*

Она до конца, в том числе и по его, Ткачука, просьбе держала в Пылёве магазин. Когда наступил срок съезжать, Люба отказалась садиться на паром: компенсацию за потерю бизнеса ей не давали, и товаров оставалось на четыреста тысяч рублей. Куда их было девать – неизвестно...» (Сенчин 2015: 51).

Р. Сенчин умело изображает разные характеры сельчан, в которых угадываются знакомые лица, ежедневно встречающиеся на улицах городов и сел.

Сенчин описывает умирающую накануне переезда старушку и ее похороны, главу сельсовета и журналистку, освещающую события в затопляемых районах и многих других. Композиция повествования складывается из различных точек зрения, которые сливаются в единый гул боли, разочарования и невозможной любви к родным местам.

Весь роман Р. Сенчина пропитан смертью. Умирает Наталья Сергеевна Привалихина в главе-рассказе «В чужую землю». С этой смерти и похорон начинается произведение. Огромная глава во всех подробностях рисует нам торжество смерти. Умирает Алексей Ткачук – глава пылёвского сельсовета, в тот момент, когда завершается эксгумация тел с пылёвского кладбища. То тут, то там возникают упоминания о смерти разных людей, случившейся в разные периоды, но собранные воедино, они создают общую картину умирания деревень и сел, оказавшихся в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции. И завершается роман затоплением кладбища уже на новом месте, там, где и не предполагалось.

Даже те люди, кто остается жив, чувствуют пустоту, неустроенность. У них опускаются руки, люди чувствуют оторванность от земли, от хозяйства. Много остается на брошенной земле дорогих сердцу мелочей. Здесь, в деревне, у героев романа был дом, в котором порой умещались до трех семей, они кормились от своего огорода, держали свой скот. Вместо этого они получают квартиру с прописанным метражом на каждого члена семьи – и больше ничего. И даже те, кто переехал в надежде на лучшую жизнь,

в панике возвращаются: обещанные новенькие домики построены практически из картона и на деле не выдерживают суровых сибирских морозов.

Р. Сенчин прибегает к изображению ситуации с точки зрения горожанки-журналистки: ее непонимание, сменяющееся переживанием за чужих людей и оставляемые ими земли, близки каждому читателю. Журналистка загибающейся провинциальной газеты, впервые приехав в зону затопления по заданию редакции, общается преимущественно с большими начальниками и строителями гидроэлектростанции, не понимая деревенских: *«Ее, уроженку почти миллионника, выезжавшую за его пределы редко и недалеко, всегда удивляло, что люди могут, а главное, хотят жить в глухих деревнях, в избушках, где, если не потопить зимой печку, через несколько часов вода в ведре превратится в лед...»* (Сенчин 2015: 31).

Но постепенно Ольга знакомится с историями жизни людей и начинает видеть, что рушатся не только традиционный уклад, но и человеческие судьбы. Из рядовой журналистки героиня превращается в идейную правозащитницу, для которой нет ничего важнее родного угла: *«Большаково совсем не походило на те деревеньки, что чернели гнильем и трухой неподалеку от краевого центра, – в тех кое-как доживали свой несчастный век не сумевшие, не нашедшие сил и энергии перебраться в город или вытолкнутые из него – алкаши, лентяи.*

Не напоминало Большаково и дачные поселки. Нет, это было настоящее сибирское село – одно из тех, благодаря которым Сибирь и стала российской землей не только формально, но и кровно.

Удивили Ольгу и огороды. Казалось бы, север, тайга, холодная река мчится рядом, а на огородах арбузы, дыни, баклажаны. Помидоры, как деревца... Собираясь в командировку, она глянула информацию о районе в Интернете. Отметила: *«Сельское хозяйство – отсутствует».* Сказала об этом большаковцам. *Те замахали руками:*

– Да все растет! В конце мая под пленку садим, и успевают до осени.

– Раньше, – добавляли, – и рожь сеяли, овес, пшеницу даже. Ничего завозного не надо было.

– А вот у вас свиней много. Где корм берете? Свиней ведь травой не накормишь. – Ольга решила показать себя специалисткой.

– Ну как, картошку варим. Да и другое есть... В Кутае Мациевский Василий живет – настоящий трудяга. Дроблёнкой, комбикормом весь район обеспечивают.

– Сам выращивает и... и перерабатывает?

– Ну да, сам. Работники у него, конечно, и вся семья в упряжке. Комбайны, трактора... И поросят у него покупаем – у него маток полно, целая фабрика.

– А здесь, у нас, Масляков, – подхватывали другие. – Он досками, брусом занимается. Вон его пилорама... Была свалка, а он на ней производство устроил. Его доски даже из Енисейска берут, на реставрацию.

Итог разговору подвел старичок, наверняка переживший много разных времен:

– В общем, ежели по уму, то можно тутака жить. Жить – не тужить. Зачем такой край топить-от?

– Цивилизация, дед Саш, – усмехнулся молодой парень по имени Виталий, который добровольно сопровождал Ольгу по Большакову.

– Цивилизация требует жертв» (Сенчин 2015: 31).

Она ввязывается в борьбу за справедливость, зная, что без этой борьбы жить намного проще и спокойнее; именно ей принадлежит мысль о том, что окружающий ее мир просто отгораживается от бед и несчастий, создавая невидимую пленку, которая не защищает людей от ударов, а только еще больше подставляет их. Несмотря на слова, сказанные в аннотации к книге («люди <...> не верят, протестуют, смиряются, бунтуют»), смиряющихся – хотя и возмущенных – в книге все же больше, но именно городская журналистка Ольга – одна из немногих, кто действительно подтверждает

слова: *«Вам надо, чтоб нас не было, а мы – будем!»* (Сенчин 2015: 61) – сказанные самым стойким жителем покинутой деревни.

В главе «На новом месте» описывается жизнь семьи переехавшего в городскую квартиру Леша Брюханова. Переселенцы, зажатые в одной бетонной коробке, никак не могут привыкнуть к новой жизни. Юная дочка Алексея задает отцу вопрос: *«А почему вы не стали сопротивляться, когда сказали, что нужно уезжать?»* (Сенчин 2015: 41). И вновь больная тема общественной несправедливости. Поставленным в непростое положение простым людям никто не хочет помочь. За редким исключением.

В главе-рассказе «Чернушка» два главных героя: курица Чернушка – и одинокая семидесятипятилетняя вдова Ирина Викторовна, прощающаяся с домом и огородом: *«Дети и уже взрослые внуки давно предлагали Ирине Викторовне то забрать ее к себе, то помочь с переездом. Она храбрилась: «Да справлюсь». Лишь в каждый приезд родных старалась побольше дать им семейной памяти. Швейную машинку, на которой еще ее бабушка шила, остатки сервиза, медный ковшик для варки варенья, фотокарточки... Может, дети и внуки выбрасывали это, как хлам, но Ирине Викторовне хотелось верить, что у машинки, тарелок, ковшика, спиц, верблюжьего одеяла, шкатулочки с вытершимся лакированным рисунком, китайской фарфоровой кружки для запарки будут еще долгие-долгие жизни.*

Еще две недели после вывоза вещей провела она в пустой огромной избе. То есть не совсем пустой – многое приходилось оставлять. Куда всё в однокомнатную? Много оставалось, но уюта уже не было. Изба словно сердилась на хозяйку. Двери заскрипели и как-то разом просели, стали открываться и закрываться с трудом; от печки вдруг отпал большой кусок обмазки, обнажив темно-красные кирпичи; одна половица стала так прогибаться, что ступать на нее было страшно. Началось нашествие мокриц, двухвосток, косиножек. Будто предчувствовали скорый конец и лезли туда, где еще обитал человек.

Изба старая, но надежная, на века. Говорят, ее срубил прадед Ирины Викторовны с сыновьями больше ста лет назад. Огромные бревна до сих пор вызывают уважение, и, когда представляешь, как их тянули сюда из тайги без всяких тракторов, как ошкуривали, пилили ручными пилами, как закатывали друг на друга, – удивляешься тем людям, богатырям, великанам каким-то...» (Сенчин 2015: 18).

Еще один герой – Дмитрий Масляков, который до последнего бьется за свою лесопилку, пытаясь получить материальную компенсацию. Но его ломают, жестоко избивают подосланные зеки, отчего Дмитрий оказывается в больнице.

Так показана сплоченность людей, не знающая границ: деревня, город – для настоящих несчастий все одно. Люди пытаются пережить переселение «всем миром», и неслучайно в начале книги вся деревня сходится для того, чтобы вместе похоронить свою соседку, а в конце описывается встреча бывших односельчан уже в городе. Но и в каждый из этих эпизодов вторгается незримая противостоящая сила: похороны в деревне отменяют из-за «санитарных чисток», собрания «дедов» – из-за жалоб соседей на шум. Даже этим проявлениям силы представители деревенского мира не в силах дать отпор, а что говорить о том, чтобы сопротивляться переселению: *«Жена Людмила скривилась, покачала головой:*

– <...>А весь народ никогда не поднимается.

– Весь народ не поднимется, – повторил-согласился Александр Георгиевич» (Сенчин 2015: 71).

Герои Сенчина прощаются не столько с условной «Матёрой», сколько с собственными жизнями – и в признании этого есть именно то удивительное, особое и тихое мужество.

Р. Сенчин – реалист, взирающий вокруг себя без иллюзий, сознающий, что человек может быть всяким – великим и ничтожным, порядочным и негодяем. Его герои достаточно натерпелись в свое время, чтобы предаваться

миражам, верить в неперенное торжество добра и справедливости. Нравственная личность автора не возвышается над изображением реальности. Перед читателем – герой нашего времени, лишенный даже намека на героизм в его привычном значении.

§2. Нравственные проблемы и их преломление в творчестве З. Прилепина

2.1. Новый герой в художественном отображении правды жизни в романе З. Прилепина «Санька»

Роман Захара Прилепин «Санька» – вторая работа писателя после дебютного романа «Патология». Он был опубликован в 2006 году в издательстве «Ad Marginem» и вскоре был включен в шорт-лист премии «Национальный бестселлер». По мнению некоторых критиков, роман стал вполне ожидаемым и закономерным продолжением первой работы писателя. Но если «Патология» – это война в Чечне, то «Санька» – это политический роман, в котором главным объектом изображения стала одна из экстремистских партий под фиктивным названием «Союз созидателей» (за ней скрывается политическая партия НБП, участником которой был и сам З. Прилепин).

Роман вызвал неоднозначный отклик от критиков, но почти никого из них не оставил равнодушным. За короткое время в различных газетах и журналах было опубликовано большое количество статей, посвященных «Саньке».

В произведении затрагивается большое количество разноплановых проблем. Но главной в романе становится проблема нравственного выбора молодого человека ещё только начинающего жить.

В романе «Санька» описывается жизнь молодого человека в 90-е годы XX века. Главный герой – Саша Тишин, присоединяется к «Союзу созидателей» («эсэсовцев»), которые стремятся совершить «справедливую»

революцию и дать счастье «простому народу». Главный герой со своими друзьями и товарищами борется со всей государственной системой за свою родину и справедливость. Молодые люди бесстрашны, сильны и готовы отстаивать свою правоту различными способами, в том числе и агрессивными. Примечательно, что роман начинается со сцены митинга, а затем погрома в Москве, в котором принимает участие огромное количество ребят-партийцев.

З. Прилепин сразу вводит читателя в курс дела, не утомляя лишними отступлениями. *«Их не пустили на трибуну. Саша смотрел под ноги: глаза устали от красных полотен и серых армяков»* (Прилепин 2006: 1). И чуть позже: *«Саша кричал вместе со всеми, и глаза его наливались той необходимой для крика пустотой, что во все века предшествует атаке. Их было семьсот человек, и они кричали слово «революция»* (Прилепин 2006: 2).

Сюжет романа развивается динамично, картины быстро меняют друг друга, что создает полное ощущение присутствия и погружения в атмосферу происходящего. Этот способ организации повествования позволяет сравнить автора с режиссером-постановщиком, основной задачей которого является погружение зрителя в атмосферу картины. З. Прилепин пишет: *«Чуть дальше, за оградой, зудели и взвизгивали машины, бесконечно раскачивались тяжелые двери метро, пыльные бомжи собирали, деловито оглядывая горлышки, бутылки. Человек с Кавказа пил лимонад, разглядывая митинг из-за спин милиционеров. Саша случайно поймал его взгляд. Кавказец отвернулся и пошел прочь. Саша заметил неподалеку за оградой автобусы, помеченные гербом с зубастым зверем. Окна автобусов были зашторены, иногда шторки подрагивали. В автобусах кто-то сидел. Ждал возможности выйти, выбежать, сжимая в жестком кулаке короткую резиновую палку, ища кого бы ударить зло, с оттягом и наповал»* (Прилепин 2006: 1).

На первый взгляд, сюжет романа очевиден и прост. Саша Тишин и другие члены партии живут романтическими идеями о революции и свержении власти государства, которая, по мнению всего «Союза созидателей», ничего не делает для своего народа. Ребята захватывают башню в Риге, громят городские магазины и офис, готовятся к убийству латвийского судьи, который осудил своих товарищей за тюремный срок, а в финале захватывают здание администрации в родном городе Саши.

Роман состоит из эпизодов (глав), которые носят вполне законченный характер, но они не являются несвязанными фрагментами текста. Более значимыми для композиции и содержания романа являются эпизоды, где герои спорят об идеологии, а также главы, посвященные деревне.

Можно сказать, что в сюжете произведения выделяются три эквивалентных, взаимосвязанных звена: повествование о жизни и деятельности Саши и других членов партии (городская линия); эпизоды, посвященные деревне, воспоминаниям о похоронах отца Саши (деревенская линия); а также несколько эпизодов, в которых Саша спорит с идеологическими противниками.

Все три звена вместе образуют новый хронотоп, заключающийся в том, что автор использует различные «топосы», а также расширяет временные рамки, включая, помимо основного повествования в настоящем, воспоминания героя в прошлом. Однако, несмотря на чередование времени и пространства, создающее ощущение фрагментации и «калейдоскопа», роман выстраивается в единое целое, как с композиционной точки зрения, так и с точки зрения внутреннего содержания.

Деревенская сюжетная линия романа рассказывает, как Саша после своего устроенного им с товарищами погрома в Москве вынужден скрываться. В качестве места своего прибежища он выбирает свою родную деревню, в которой доживают свое время его бабушка с дедушкой. Здесь повествование включает и эпизоды из прошлой жизни Саши, фрагменты его детства и юности, когда в мире вокруг мальчика была гармония: все близкие

и родные были живы и счастливы, а деревенское детство мальчика протекало беззаботно, как и должно быть у любого ребенка.

Не случайно, что история деревни начинается уже во второй главе: она контрастирует шумные, агрессивные события в городе и тихую, пронзительную монотонную деревенскую жизнь.

Вот как описывает город сам автор: *«Город оказался слабым, игрушечным – и ломать его было так же бессмысленно, как ломать игрушку: внутри ничего не было – только пластмассовая пустота»* (Прилепин 2006: 6).

О деревне писатель пишет: *«Саша почти не чувствовал оживления от того, что он вернулся в места, где вырос. Ему давно уже казалось, что, возвращаясь в деревню, сложно проникнуться какой-либо радостью, – настолько уныло и тошно было представавшее взгляду. <...> Все было чуждым»* (Прилепин 2006: 7).

3. Прилепин намеренно приближает эти художественные пространства, показывая, что люди и в городе, и в деревне несчастливы; они или вынуждены бороться за лучшую жизнь (что делают ребята из «Союза создающих»), или просто смириться и умереть спокойно (как в случае с пожилыми людьми из деревни).

Вышеупомянутые фрагменты текста рисуют картину несчастливого мировоззрения героя в настоящем, когда стираются даже светлые моменты его процветающего прошлого.

Из фрагментов воспоминаний Саши можно сложить отдельные картины тех лет, когда Саша был «темноногим», «в царапках» мальчишкой. Каждое утро мальчика будили звуки радиоприемника, включенного его дедом, который тогда еще был здоров и полон энергии, а бабушка с самого утра была занята домашними делами. Саша всегда просыпался бодрым и веселым, с удовольствием съедал тарелку молочного супа, даже если в нем плавала муха. С его отцом, который в то время был рядом, он часто проводил бесконечные летние дни возле реки, греясь на горячей плите и купаясь, –

здесь у них было секретное место. Гусей, проходивших по деревне, Сашка боялся и с ужасом убегал, стыдясь своего страха ... Только этот период своей жизни молодой человек вспоминал с радостью и любовью. Теперь же герою все враждебно, а существование в любом из этих мест бессмысленно и нерадостно.

Особенно трагичными выглядят эпизоды, где рассказывается о вымирании деревни, где всего-то и осталось несколько человек, в основном стариков. Таковы и бабушка с дедушкой Саньки: *«Бабушкина речь не приметно переходила с одного на второе, но речь шла об одном – о том, что все умерли и больше ничего нет»* (Прилепин 2006: 8). А дедушка, который уже давно не встает с постели, говорит внуку, что ему надоела жизнь и он хочет смерти.

Именно бабушка с дедушкой, растившие маленького Сашу, называют его так грустно и трогательно – Санька. Недаром в таком, деревенском варианте это имя вынесено в заглавие романа.

Из повествования становится понятным, Саша был для бабушки невнятным напоминанием о том времени, когда семья была полна, и сыны жили.

Таким образом, дистанция героя с жизнью, родными и самим собой, которую он так явственно ощущает, слишком велика и слишком безнадежна, хотя он еще молод и многое может сделать в жизни. Писатель специально включает этот эпизод в завязку произведения, чтобы показать драматизм Сашиней ситуации и, возможно, мотивировать его слова и поступки, которые мы наблюдаем в дальнейшем на страницах романа.

Не менее важен эпизод, когда герой, в то время еще подросток, вместе с матерью и другом отца Безлетовым (с ним как раз Саша и вступает в идеологические дискуссии) едут хоронить Сашиного отца в родную деревню.

Очень многие критики выделили именно этот эпизод как один из самых ярких и запоминающихся в произведении. А. Наринская в статье «Нацбол в России больше, чем нацбол» (газета «Коммерсантъ») пишет:

«Метафоричность происходящего прямо-таки зашкаливает – гроб с телом отца символизирует все, что в России от России осталось. И происходит с этим гробом все соответствующее. Сначала гроб падает, крышка отлетает, и «отец, уже ледяной, едва не выпадает на снег», потом этот гроб тащат, «чертыхаясь и рыча», потом – скатывают с горки, потом, понятное дело, на нем режут колбасу и пьют водку. Потом произносят слова: «Это настоящие русские похороны... русские проводы...» [Наринская 2015: 22].

События, происходящие в этом эпизоде, действительно символичны, но в такой форме они ярко и убедительно доносят одну из важнейших мыслей романа – о тотальном разложении и вымирании.

На примере судьбы отца Саши автор показывает, что та же участь ждет города, страну, а деревня уже и так почти вымерла: *«Вид белого, до горизонта поля, был тягостен. Эта даль и пустота – лишь с линией телеграфных столбов у дороги – засасывала.*

– Безлюдье... – шептал Саша тихо. – На безлюдье льды... Снеги и льды...» (Прилепин 2006: 21).

Символично и то, что герои совершают такой тяжкий путь с гробом отца и сами едва не платят за это жизнью. Эта дорога в никуда, там нет будущего. Именно в таком безнадежном ключе рисует автор картину одиноких и замерзших людей, потерявшихся в бесконечном снежном лесу с гробом на руках. *«Холод последние силы подъедал. Захотелось спать... свернуться калачиком на гробе...»* (Прилепин 2006: 24). И, когда уже спасения никто не ждал, неожиданно приходит помощь в образе деревенского мужика Хомута, который отправился на поиски пропавших. Но при внешней крепости и бодрости этого человека в нем «едва различимой жесткой нитью чувствовалась смертельная тоска». *«Нить была жестка и крепка настолько, что ей и удавить можно было, и удавиться»* (Прилепин 2006: 24). Именно такая смерть и ждет Хомута через несколько лет.

Таким образом, этот эпизод, находящийся в середине романного повествования, также является одним из ключевых для понимания авторской позиции.

Наконец, еще одна глава, посвященная деревне, – 12-я (предпоследняя в романе). Саша с друзьями прячутся от властей после крупных политических акций, проведенных ими и другими «союзниками». В этой главе есть несколько значимых фрагментов. Один из них заключается в разговоре Саши с Матвеем – главным «союзником» партии, исполняющим обязанности лидера Костенко, – о дальнейшей судьбе «Союза созидателей»:

«– Матвей, - спросил он негромко. - А ты думаешь иногда о том, что нас ждет? Партию что ждет?»

Матвей посмотрел на Сашу серьезно.

– Ну, ты умный человек, Саш, - ответил.

Саша промолчал - так, чтоб Матвей понял, что он ждал иного ответа. И Матвей понял.

– Саша, у нас нет ни одного шанса, - сказал он. - Но разве это имеет значение?»

Саша коснулся коры дерева рукой.

– Не имеет, - ответил искренне» (Прилепин 2006: 68).

Из диалога становится понятно: ребята знают, что обречены, но продолжают делать свое дело, считая себя правыми. И то, что у партии «Союз созидателей» нет никаких шансов на дальнейшее существование, нисколько не останавливает ни Сашу, ни его друзей в совершении задуманных ими антигосударственных акций. В данном диалоге затронута и проблема образа современного положительного героя. Нельзя не обратить внимания на то, что ребята испытывают чувство долга и товарищества, бескорыстную любовь к родине, внутреннюю потребность действовать во имя справедливости, как они ее понимают. Возможно, им не хватает целенаправленности и продуманности своих действий, но им, безусловно,

присущ романтический порыв юности, ее бунтарство и нетерпеливая активность.

Второй важный фрагмент главы связан с образом старенького дедушки, приютившего ребят на ночь. Старичок, похожий на «лесовичка», рассуждает о философии и религии, о трагедии сегодняшнего дня. По сути, его слова – это опять же позиция автора, утверждаемая им с первых глав романа. Старик говорит о том, что люди похоронили настоящие ценности, и за это будут наказаны: « – ... *Вы там в церкву, говорят, все ходите. Думаете, что, натоптав следов до храма, покроете пустоту в сердце. Люди надеются, что Бога приручили, свечек Ему наставив. Думают, обманули Его. Думают, подмяли Его под себя, заставили Его оправдывать слабость свою. Мерзость свою и лень, которую то милосердьем теперь назовут, то добротой. Чуть что – и на Бога лживо кивают: «Бог так решил. Бог так сказал. Бог так задумал»* (Прилепин 2006: 69) . Старичок как будто является носителем высшей истины. Сам его облик и смешон и трагичен одновременно: «*вот-вот то ли заплачет, то ли захихикает*» (Прилепин 2006: 69).

Таким образом, деревенская повествовательная линия, хоть и не является основной, несет на себе огромную смысловую нагрузку и для понимания идейно-содержательной стороны романа является, пожалуй, первостепенной. Именно в ней лейтмотивом проходит авторская мысль о бессмысленности существования и потерянности людей в современном мире, об отсутствии у них нравственно-этических ориентиров, что неизбежно грозит разрушением и катастрофой.

Важны для рассмотрения и фрагменты, в которых Саша участвует в идеологических спорах со своими «противниками».

Содержание идеологических споров сводится к тому, что оппоненты Саши не понимают смысла действий членов партии. Алексей Константинович Безлетов – главный классовый враг Саши, друг его покойного отца, преподаватель в университете, и, главное, помощник губернатора заявляет: «*Все ваши телодвижения, ваше трепетание – все это*

давно потеряло смысл. Вы ничего не исправите» (Прилепин 2006: 16). Он пытается убедить Сашу, что страны и государства уже давно нет, и их агрессия бессмысленна; это только навредит людям. Но ни Саша, ни его друзья, конечно, не могут принять либеральные взгляды Безлетова. Автор позволяет героям оставаться каждому при своем мнении, но его симпатия именно на стороне Саши и его друзей-«союзников».

Безусловно, спор между оппонентами неразрешим, и каждый вновь остается при своем мнении. Но очевидно, что писатель не зря поднимает проблему идеологического антагонизма в романе, причем не единожды. Автор не дает однозначно положительной оценки тому, что делают ребята-партийцы, но он показывает их позицию, из которой уже становится понятным желание искоренить окружающую обстановку, пусть даже насильственным способом. И, даже если Саша так и не формулирует однозначную цель их политики, которую так хотят услышать его противники, позиция героя, обоснованная в эпизодах споров, никак не выглядит механической и пустой.

Все остальные главы романа – это так называемая «городская» линия повествования, в которой происходят основные события, связанные с революционной деятельностью партии. Ребята из «Союза созидателей», участвующие в митингах против правительства, громят «Макдональдс», совершают акции в Риге (в частности, Саша едет убивать судью, который приговорил своих товарищей в тюрьму, но его опережают), захватывают здание администрации.

Фактически, эта линия представляет собой цепочку последовательных эпизодов, которые и составляют основной сюжет романа. Несмотря на суровый характер событий, лирические фрагменты также вторгаются в повествование. Один из самых захватывающих эпизодов такого типа – любовная сцена главного героя с подругой Яной, где Саша предстает другим: не как агрессивный юноша, способный на страшные поступки, а как эмоциональный, нежный и глубоко чувствующий человек.

В последней главе происходят трагические кульминационные события, когда Саша с друзьями захватывают городское административное здание, и, скорее всего, этот политический акт станет последним для ребят.

Не случайно автор начинает роман и заканчивает его сценами погрома и захвата, что создает ощущение повторяемости и закономерности происходящего. К тому же в таких действиях – суть жизни Саши и других ребят из партии. И они готовы пойти на смерть за свое дело; они знают, за что умрут.

Роман заканчивается словами Саньки: *«В голове, странно единые, жили два ощущения: всё скоро, вот-вот прекратиться, и – ничего не кончится, так и будет дальше, только так»* » (Прилепин 2006: 80). Финал романа «открытый», автор дает возможность читателю самому додумать, что же будет дальше и сможет ли продолжить борьбу его герой.

В интервью «Московскому Комсомольцу» З. Прилепина спросили, что же будет дальше с его героем. На что писатель ответил: «Что будет в романе дальше, я не знаю, если бы знал – написал. У меня есть только невнятное ощущение – оно выражено в последней фразе романа. Мы не проиграем. Но это не значит, что подобные нам завтра придут к власти. Россия непредсказуема». Вероятно, автор последней фразой романа выразил безысходность положения героев произведения. Он считает, что всё будет продолжаться и постепенное вымирание деревни, и медленная, но целенаправленная деградация общества, ухудшение положения страны как изнутри, так и на мировом уровне, но борьба против этого, так же будет продолжаться.

Обозначив определенные фрагменты романа и основные сюжетные линии, можно сделать вывод, что роман построен как художественное произведение, в соответствии с законом жанра. И, несмотря на то, что в романе выделяется несколько отдельных пластов, они не разбиваются на отдельные отрывки и главы, а взаимодействуют друг с другом, как с точки зрения композиции, так и с точки зрения смыслового аспекта.

Однако такое необычное композиционное построение текста автор использует не вследствие недостатка писательского мастерства (как пишут некоторые критики), а с ярко выраженной целью – не просто создать роман о деятельности революционно настроенных юношей, а расширить его проблематику до глобальных размеров.

На протяжении всего повествования проходит сквозная идея о косности устройства современного мира, о нравственной деградации людей и о том, что этот мир может быть изменен только жестокими способами, а другими уже, скорее всего, не получится. За счет изменения хронотопа и чередующихся эпизодов, разных по стилю и настроению, все пласты повествования «склеены» в одно целое, объединенное общим конфликтом и идеологическим наполнением, что делает роман многомерным и содержательным.

2.2. Проблема нравственности и ее художественное решение в романе

3. Прилепина «Обитель»

«Лагерная» тема в русской литературе – явление далеко не новое. Заявленная еще в XIX веке «Записками из мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Островом Сахалин» А. П. Чехова, «каторжная» проза получила свое развитие и в XXI веке.

Основу большинства текстов тюремно-лагерной прозы составляет инвариантная ситуация борьбы за существование, которую ведет главный герой, при этом, не ограничиваясь задачами физиологического выживания, он пытается сохранить себя как человеческую личность.

Самыми тяжелыми испытаниями, которые приходится преодолевать герою, оказываются голод, холод, непосильный физический труд, а также и неизбежные конфликты, возникающие у него как с начальством, так и с уголовниками-блатарями.

Осмысление трагического опыта страны продолжается и в прозе тех писателей, кто в силу возраста не мог быть очевидцем событий: З. Г. Яхиной

(«Зулейха открывает глаза»), Е. Водолазкина («Авиатор»), З. Прилепина («Обитель»).

О. С. Сухих подчеркивает, что взгляд на социально-историческую ситуацию извне «вовсе не исключает правды» и становится необходимым условием осмысления событий под иным углом зрения [Сухих 2015: 297]. Кроме того, в текстах современных авторов очевидна установка на отражение травматического опыта репрессий через призму личного.

З. Прилепин в предисловии к «Обители» сообщает: *«...короток путь до истории – она рядом. Я прикасался к прадеду, прадед воочию видел святых и бесов»* (Прилепин 2014: 1). «Личное» дает писателю-современнику возможность показать не «абстрагированную авторскую позицию», а «живое соприкосновение с историей» [Рудалёв 2014]. Базовое значение здесь приобретает не столько соответствие историческим фактам, сколько художественная убедительность в передаче духа времени, психологических нюансов и деталей советского быта, мировоззрения и аксиологических ориентиров. Центральное место в романе отводится хронотопу лагеря как «фундаменту социального и духовно-нравственного бытия героев» [Александрова, Антоненц 2015: 312] в силу того обстоятельства, что он расположен на территории древнего монастыря, приспособленного под скотный двор. Концептуальное значение здесь приобретают вопросы веры и безверия, вины и греха, ненависти и любви, деградации духа, смирения и возрождения.

История в «Обители» повествует о лагере для заключенных на острове Соловки. Рассказ ведется от имени главного героя – двадцатисемилетнего недоучившегося студента Артема Горяинова. Он неохотно описывает себя товарищам в его несчастье, и долгое время читатель даже не знает, за что он, собственно, сидит. Артем попал на Соловки за нелепое непреднамеренное убийство своего отца за измену матери.

А. Рудалёв обратил внимание на то, что человек в «Обители» постоянно находится в ситуации выбора: «примерить бесовский облик» –

выжить, став одним из помощников чекистов, «приспособиться и раствориться в аду» или раскаяться [Рудалёв 2014].

Артёму Горяинову по ходу развития сюжета предоставляется возможность примерить на себя все облики. Примерка бесовского обличья начинается с момента одобрения его кандидатуры в отряд участников спартакиады и последовавшее за этим приближение к начальнику лагеря Эйхманису. Дьявольские черты в облике Артема сразу же заметил его товарищ по лагерю Осип Троянский: *«Как же я вчера был напуган! Отчего вы побрились? Вошел кто-то без волос – как бес, – рук не видно, и – будто свисает мантия. Я думал, что пришли забрать... даже не меня, а душу»* (Прилепин 2014: 77).

Ночная «гульба» Артёма с Эйхманисом также придает его облику inferнальные приметы: он ощущает *«сладостный хмель» «восхитительной ночи»*, в то время как остальные *«ждут рассвета»*, поскольку именно с ним *«пропадает любая нечисть»* (Прилепин 2014: 72).

Если в глазах других солагерников Артем – «фартовый парень» сумевший по воле случая избежать гибели и улучшить свое положение в тюрьме, то истинная нравственная оценка принадлежит Осипу и Борису Лукьяновичу. Осознав свой нравственный упадок, Артем в какой-то момент начинает избегать встречи с раздражителями совести: *«Почему-то не хотелось, чтобы свидетелями происходящего стали Осип и Борис Лукьянович, – но Артём не стал размышлять на эту тему и просто мысленно удалил названных из числа свидетелей»* (Прилепин 2014: 69).

Жизненная позиция А. Горяинова, утратившего независимость в своей кратковременной приближенности к власти, становится неприемлемой и для его духовного наставника, бывшего белогвардейца Василия Петровича: *«Я любил тебя за то, что ты был самый независимый из всех нас. <...> Мы все так или иначе были сломлены – если не духом, то характером. Мы все становились хуже, и лишь ты один здесь – становился лучше. В тебе было*

мужество, но не было злобы. Был смех, но не было сарказма. Был ум, но была и природа... И что теперь?» (Прилепин 2014: 86).

А теперь Артёму «жаль, что в военных уставах не прописано, что помимо ответа «Будет исполнено!» – можно в особо важных случаях подпрыгивать вверх» (Прилепин 2014: 76).

При явном желании угодить Артём пытается примерить на себя роль «вершителя судеб». Этот тезис убедительно иллюстрирует эпизод, в котором герой целенаправленно пугает морских свинок: «Он поспешил на кухню, с размаху раскрыл дверь. Перепуганные свинки, хоть и были на полу, но заполошно бросились друг к другу – напугались. <... > Аа-а! – заголосил донельзя довольный Артём. – Стра-аашно! Некоторое время любовался на животную кутерьму и суету, потом тихо прикрыл дверь. Подождал с минуту, пока там все притихнет. Потом заново все повторил, получая от этого совершенно упоительное мальчишеское удовольствие» (Прилепин 2014: 93).

Однако приближение к Эйхманису и любовная интрига с сотрудницей информационно-следственного отдела Галиной не приносят ни физического, ни нравственного облегчения Артёму. Напротив, теперь герой находится на Секирке – самом страшном месте Соловков. Оценка выбранного Артёмом пути как пагубного прозрачно читается в беседе батюшки Зиновия с другими лагерниками: «А бесы вам и сейчас на уши шепчут, что возможно спасение, если разжалобить чекиста, понравиться ему, подпеть, встать в большевистский хоровод и пройтись с ними кружок вокруг их главного злосмрадного мертвеца <...>. Не давайте им ввести вас в заблуждение, помните, что только Господне слово несёт нам спасение, и лучше один раз умереть и шагнуть в Царствие Небесное, чем, влекомым бесами, навсегда угодить в геенну огненную и погибать непрестанно (Прилепин 2014: 148).

Для отца Зиновия единственный путь спасения души в лагере – покаяние и упование на Божью милость. «Дитя века», «начитавшийся всякой дряни в детстве», Артём не верит в Бога не по атеистическому

убеждению, а *«стихийно»* (Прилепин 2014: 4). Эта «стихийность» влечет за собой мучительную внутреннюю борьбу: он постоянно находится между признанием и отрицанием Бога. Однако Секирка стимулирует героя к поиску истины. К этому обязывает само пространство: тюрьма располагается на месте разоренного храма Вознесения. С другой стороны, Секирка напрямую отождествляется с адом: *«В церкви многие кашляли, кто-то подвывал от холода, кто-то плакал, кто-то молился – стоял неумолчный гул, как в предбаннике преисподней»* (Прилепин 2014: 136).

Важную роль в контексте романа играет эпизод, в котором за слоем известки Артем обнаруживает лицо святого. Это читается как знак – подсказка сверху. Но в кульминационной сцене всеобщего покаяния герой не участвует, с «бесноватой» радостью и «бесстыдным лицом», вспоминая совершенных грехах.

В итоге Артём совершает святотатство – исцарапывает ложкой святой лик. Его бунт во многом объясняется увиденным накануне сном, где образ убитого отца соединяется с образом голого Бога: *«Бог на Соловках голый. Не хочу его больше. Стыдно мне. ...Упал в собственное тело, очнулся, поймал себя на том, что видел не Бога, а собственного отца – голым – и говорил о нем <...> Бог отец. А я отца убил. Нет мне теперь никакого Бога. Только я, сын. Сам себе Святой Дух»* (Прилепин 2014: 177).

Не простивший когда-то своему отцу «наготы», Артём не принимает и «голового» карающего Бога. Так в его сознании распадается пребывающие в единстве Лики Божественной Троицы. Теперь он сам себе Бог и Святой Дух.

Уничтожение Артемом иконы как символа веры означает отказ от спасения, ибо вместе с отцом он убил Бога в себе, соответственно, потерял право на защиту сверху и остался один на один со страшными обстоятельствами: *«...Пока есть отец – я спрятан за его спиной от смерти. Умер отец – выходишь один на один... куда? К Богу? Куда-то выходишь. А я сам, я сам стихнул со своей дороги отца и вот вышел – и где тот, кто меня встретит? Эй, кто здесь? Есть кто?..»* (Прилепин 2014: 177).

Герой один во вселенной, и в этом состоянии отказывается от встречи с матерью и обрывает родовые связи: *«От Крапина с Лисьего острова передали вещи – там была материнская подушка. Почувствовал к этой подушке что-то человеческое, проколовшее в сердце, – и вскоре выгодно обменял ее»* (Прилепин 2014: 183).

Не так недавно *«полный молоком беззлобия», «как дитя среди всех»* (Прилепин 2014: 138), Артём становится *«неистребимым злом, наподобие замурованного в стену радио»* (Прилепин 2014: 179), доводя до безумия штрафников-чекистов.

Со смертью владычки Иоанна герой утрачивает последнюю опору и окончательно преступает через его завет: *«И не обозлишь за весь этот беспорядок вокруг тебя. Если Господь показывает тебе весь этот беспорядок – значит, он хочет побудить тебя к восстановлению порядка в твоём сердце. Все, что мы с тобой видим, – просвещение нашего сознания. За это лишь благодарить Господа надо, а не порицать!...»* (Прилепин 2014: 44).

Символическое наполнение в этом контексте приобретает сцена с крысой в штрафном изоляторе Секирки. В традиционном представлении крыса является символом смерти, разложения, божьей кары. Безусловно, и это значение отражено в тексте, но ключевую роль здесь играет крыса в сравнении с человеком. Она представлена как более совершенное существо, ибо выживает в любых обстоятельствах, не теряя достоинства: *«степенно приступила к трапезе: по-крестьянски, не суетясь, разве что не перекрестилась. Во всяком движении ее сквозило достоинство и точность. Она никуда не торопилась и ничего не боялась»* (Прилепин 2014: 175).

Артём, утративший человеческое, признает за крысой способность *«научить его жить»*, она же видит в нем *«жениха»* и приносит ему своих крысят. В финале романа Артём приходит к мысли о том, что Бог все-таки существует, но существует обособленно от человека, независимо от его веры

или неверия: *«Бог есть, но Он не нуждается в нашей вере. Он как воздух. Разве воздуху нужно, чтобы в него верили? В чём нуждаемся мы – это другой вопрос»* (Прилепин 2014: 183).

Экзистенциальное отчаяние и ощущение метафизического сиротства погружают Артёма в вакуум безразличия. Герой выбирает путь мимикрии – растворения в аду. Все качества Горяинова – и плохие, и хорошие – словно стираются, он *«не испытывает никаких чувств»* (Прилепин 2014: 182). Стремление быть предельно незаметным проявляется даже в его внешнем облике: *«все в лице Артёма стало мелким»* (Прилепин 2014: 182). У героя нет ни прошлого (*«жизнь разрублена лопатой»; «оставшееся позади живёт само по себе»*), ни будущего (*«он никогда не считает оставшихся дней своего срока»*), а свобода кажется *«голой и пустой»* (Прилепин 2014: 182). Сердце начинает гнать *«пристывшую кровь»* (Прилепин 2014: 184) только тогда, когда начальник лагеря объявляет о расстреле каждого десятого в роте, и в их числе оказывается Галина. Не имея возможности помочь, Артём принимает решение разделить ее судьбу: *«Галя глядела вокруг словно незрячая, шевелила пальцами, как бы желая потрогать воздух рядом с собой и стесняясь это сделать; совсем одна, как на льдине. Голова ее казалась седой. – Иди на мое место. Слышь? Останешься живым, – вдруг велел Артём Захару»* (Прилепин 2014: 184). Герой делает осознанный выбор – выбор человека. Неслучайно перед ним расступаются *«так уважительно, как никогда в жизни»* (Прилепин 2014: 184).

Таким образом, испробовав все предложенные обстоятельствами варианты спасения, герой находит свой – сохранение человека в себе. Теория добрых дел актуализируется в его сознании на Секирке: *«В меня возвращается человек – я так и не озверел. Наверное, это оттого, что мы спасли чужеземцев, не дали им умереть, – доброе дело сберегло мою душу, теперь душа моя в цветах, и ее щекочут кузнечики»* (Прилепин 2014: 180). Артём преодолел свой личный ад, совершив поступок, в основе которого лежит духовный подвиг жертвенности.

Роман заканчивается библейской сценой: *«Скоро раздастся звон колокола, и все живые поспешат за вечерний стол, а мертвые присмотрят за ними»* (Прилепин 2014: 197). Время все расставит по своим местам. И пускай голый человек при близком рассмотрении *«темен и страшен»*, но мир, вопреки всему, *«человечен и тепел»* (Прилепин 2014: 197).

Книга З. Прилепина «Обитель» заслуживает внимательного прочтения не только увлекающимся историей людям, но и всем ценителям современно прозы, потому что в этой книге есть самое главное – человеческая жизнь.

Анализируя произведения Прилепина и Сенчина, мы отмечаем, что значительное место в литературе «нового реализма» занимают произведения о сложных нравственных поисках людей, о проблемах добра и зла, о ценности жизни человека, о столкновении равнодушной безучастности и гуманистической боли. Мы можем отчетливо проследить, что возрастание интереса к нравственным проблемам сочетается с усложнением самих нравственных поисков. Ключевыми текстами русского «нового реализма» являются романы З. Прилепина и Р. Сенчина. В этих произведениях не только представлена достаточно универсальная картина кризисной реальности, но и созданы архетипы, способные художественно синтезировать опыт современного человека, как в его волевом становлении (роман З. Прилепина «Санькя»), так и в противоположном – гибельном движении (роман Р. Сенчина «Елтышевы»).

§3. Дидактическое воплощение темы ВКР в практике преподавания литературы в школе

Внеклассное мероприятие по литературе

Тема: Нравственная проблематика романа Р. Сенчина «Зона затопления»

Вид мероприятия: читательская конференция

«Прогресс плох, – нет, он хорош, он
необходим, и это аксиома; вопрос в том, насколько он нравственно

обеспечен, насколько учтена душа человека и сам человек не как придаток прогресса, а как потребитель его достижений»

В. Г. Распутин

Цели читательской конференции:

1. Анализировать текст, овладевать навыками анализа текста.
2. Развивать устную речь учащихся, образное или логическое мышление.
3. Воспитывать эстетический вкус и сформировать нравственное начало учащихся.
4. Пробуждать интерес молодого читателя к явлениям новейшей русской литературы.
5. Развивать способности самостоятельно добывать информацию, анализировать прочитанное.
6. Формировать навыки публичных выступлений.
7. Пропагандировать лучшие произведения разных видов и жанров.
8. Осваивать читательские компетенции.

Оборудование: компьютер, отрывки из произведений, раздаточный материал.

План конференции:

1. Жизненный и творческий путь писателя.
2. Работа над содержанием произведения.
3. Обсуждение проблематики романа.

Подготовительный этап:

1. Самостоятельное чтение романа «Зона затопления».
2. Работа над полученным вопросом к выступлению.
3. Обдумывание вопросов, которые читатели могли бы задать в ходе конференции.

Ход мероприятия:

Организационный момент. Вступление

Учитель: Здравствуйте, уважаемые участники! Сегодня мы с вами проведем читательскую конференцию по роману Р. Сенчина

«Зона затопления». Конференция – для вас новая форма работы, поэтому сначала мы с вами должны изучить определение. Итак, Читательская конференция – это коллективное размышление над книгой, совместные поиски верных решений и ответов.

Основная цель читательских конференций – развитие интереса учащихся к книге и чтению, формирование читательских умений учащихся, традиций и обычаев чтения.

Читательские конференции должны способствовать развитию интеллекта, кругозора учащихся, познавательного интереса.

Как вы думаете, какие правила должны соблюдать участники конференции?

На конференции нужно:

- Быть вежливым и внимательным;
- Не стесняться высказывать свои мысли, говорить громко и понятно;
- Не отвергать чужую точку зрения, а формулировать и доказывать свою;
- Не перебивать говорящего, дожидаться конца его выступления;
- Если что-то непонятно или хочется задать вопрос, надо поднять руку, встать и назвать себя.

Учитель: В наше время хорошую литературу, общение с доброй, мудрой книгой можно назвать духовным лекарством для всех, кто заботится о своем нравственном здоровье.

К сожалению, за последние десять лет число читающих в нашей стране резко снизилось. Из 1600 опрошенных людей (по данным «Левады-центра») ежедневно читают книги 22%, от случая к случаю – 42%, никогда не читают – 36%.

Большинство сейчас читают только произведения из школьной программы. С современной же отечественной литературой мало кто знаком. Вот почему мы сегодня будем говорить о новейшей русской литературе на примере романа Р. Сенчина «Зона затопления».

Современная литература приобрела принципиально новый характер. Это не только новые авторы и названия, это новые законы, особенности, направления. Сегодня ассортимент предлагаемой литературы огромен, и читателю подчас сложно разобраться во всём этом многообразии.

Русская литература продолжает развиваться, основные её направления – постмодернизм, реализм (во всех его разновидностях) и неосентиментализм. Современные произведения рисуют образ хаотичного мира, стирая грань между высоким и чистым, часто с пафосом отрицания действительности и изображения всех сторон жизни без ограничения.

Главное достоинство современной литературы в том, что на своих примерах, она развивает в нас нравственное воспитание. Особенно в этом отношении ценен «новый реализм», который обнажает всю сущность современного общества и его проблем. Именно это направление имеет огромное количество таких ориентиров на примере различных произведений.

Работа с эпиграфом

Учитель: «Прогресс плох, – нет, он хорош, он необходим, и это аксиома; вопрос в том, насколько он нравственно обеспечен, насколько учтена душа человека и сам человек не как придаток прогресса, а как потребитель его достижений» – так говорил Валентин Григорьевич Распутин.

Как вы думаете, какому произведению В. Г. Распутин посвятил эти строки? («Прощание с Матёрой»)

Учитель: Давайте вспомним тему, проблематику и содержание данной повести.

Выступления учащихся

Учитель: А есть ли в современной литературе произведение, герои которого, пережили нечто подобное? («Зона затопления»)

Учитель: Нравственное перерождение, возникающее на основе прогресса, – это одна из тех тем, которые волновала людей во все времена, и продолжают волновать сейчас.

Именно поэтому и анализируемая сегодня «Зона затопления» – книга о том, как умирает Россия, именно та Россия, где думают о людях, и только потом о деньгах, где любят природу, чтят традиции и верят в Бога. О том, как это происходит, мы и поговорим сегодня.

Но сначала предлагаю познакомиться с основными вехами жизненного и творческого пути современного представителя «нового реализма», автора, анализируемого нами романа – Романа Сенчина.

Жизненный и творческий путь писателя

Выступления учащихся

Одним из произведений, которое принесло ему известность, является роман «Зона затопления», о котором сегодня и идет речь. Чтобы перейти к анализу и обсуждению романа, давайте познакомимся с содержанием произведения.

Работа над содержанием произведения

Выступления учащихся

Выразительное чтение некоторых отрывков, краткий пересказ повести.

Обсуждение романа

- Кто главные герои романа?
- Ваше отношение к героям произведения? В чем значение каждого?
- Какие чувства героев показывает автор?
- Какой проблеме современности посвящена книга?
- Какие ещё проблемы поднимает автор романа?
- Как, по-вашему, должна решаться проблема, которую поднимает писатель? Как решается сейчас?

Учитель: Как мы видим, «Зона затопления» перекликается с известной повестью Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Действительно, по сюжету они схожи. Давайте конкретнее поговорим о сходствах и различиях этих двух произведений.

Выступления учащихся

Обсуждение повести

- Над какими же проблемами заставляет нас задуматься В. Г. Распутин в повести «Прощание с Матёрой»?
- Сходна ли проблематика двух анализируемых нами произведений?
- А сейчас эти проблемы существуют?

Учитель: обсудив тему, проблематику и содержание повести В. Г. Распутина и Р. Сенчина, мы можем сказать, что проблемы, которые поднимают писатели в своих произведениях – вечные. И эти вечные проблемы и мечты и надежды словно узоры вплелись в произведения. А нам с вами удалось их разгадать.

Что В. Г. Распутин, что Р. Сенчин пишет о том, что старый, уходящий мир – единственная обитель святости, гармонии, нравственности. Ведь жителей не слишком волнуют внешние проблемы, они живут в своем замкнутом мире. Именно поэтому так страшно для них проникновение внешнего, жестокого и агрессивного современного мира. От его воздействия «Матёра», подобно Атлантиде, уходит на дно.

А теперь давайте подведём итоги конференции приемом «Незаконченное предложение» (Приложение I).

Награждение участников конкурса

Учитель: Спасибо за работу. До новых встреч!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования было изучено понятие «нового реализма», выявлена степень значимости «нового реализма» в художественном сознании Р. Сенчина и З. Прилепина, определены особенности нравственной проблематики романов Р. Сенчина и З. Прилепина: «Зона затопления», «Елтышевы», «Санька», «Обитель».

Изучив и проанализировав научную литературу по теме исследования, можно прийти к выводу, что Роману Сенчину и Захару Прилепину в ряде произведений действительно удалось воплотить на практике эстетические

требования, которые сами писатели предъявляли к литературе «нового реализма».

По убеждениям писателей, в литературе «нового реализма» интерес писателя сосредоточен на жизненной позиции человека и на процессах изменения этой позиции. В центре произведений – философский и нравственный поиск, попытки человека ответить на вопросы о смысле жизни, о добре и зле, правде и справедливости. Процессы нравственного и идейного самоопределения личности, человек в поисках истины – вот что является важнейшим с точки зрения писателей. Происходит поиск именно личностной истины, то есть такой, которая основана не на авторитете, а на собственном, глубоко прочувствованном и эмоционально пережитом жизненном опыте.

Герои Р. Сенчина и З. Прилепина ничего не принимают на веру, любая «правда» проверяется ими самостоятельно. Именно поэтому идейно-нравственные искания героев носят неслучайный, напряженный характер, часто связаны с душевными драмами, страданиями, трагизмом. Идет постоянная проверка и взаимодействие разных философских и моральных принципов и подходов к жизни. В результате и та «правда», к которой приходит герой, – это не абстрактная безличная философия, но живое, эмоционально насыщенное, очень личностное и конкретное понимание мира героем.

Все герои анализируемых произведений – герои страшного и абсолютно реального мира, которые авторы сами и создают.

Творчество представителей «нового реализма», несмотря на чувствительное влияние натуралистической, экзистенциальной интенций и (в гораздо меньшей степени) литературы постмодернизма, реалистично в своей основе, и в то же время погоня за документальностью факта делает творчество примером именно «нового реализма» в том понимании термина, которое мы сформулировали.

Проанализировав романы «Зона затопления», «Елтышевы», «Санька», «Обитель», можно с уверенностью сказать о том, что данные произведения способствует формированию нравственных ориентиров человека, утверждению в нем гуманистических идеалов, развитию чувства гармонии и красоты, приобщению к культурному и духовному наследию человечества.

В своих романах современные писатели поставили целую систему вопросов, формирующих представление о нравственности и культуре человека. Становится ясным, что взгляды авторов, их опыт и жизненный опыт героев романа играют огромную роль в формировании нравственных аспектов современного общества. Нравственные основы художественного мира нового реализма лежат в кругу констант Родины, народа, семьи. Таким образом, произведения Р. Сенчина и З. Прилепина показывают разные грани художественных поисков «новых реалистов».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Теоретические работы:

1. Александрова М. В. Пространство «Обители» как основание бытия в романе З. Прилепина [Текст] / М. В. Александрова, В. А. Антоненц // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 312–317.
2. Большев, А. Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной русской прозы XX века [Текст] / А. Большев // Филология и культура. – 2016. – № 4(46). – С. 130–139.
3. Воробьева, Е. С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети-начала XXI вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Воробьева. – Архангельск: Изд-во «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», 2015. – 18 с.
4. Ганиева, А. И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе [Текст] / А. Ганиева // Новый мир. – 2007. – № 3. – С. 176–183.
5. Ганиева, А. Не бойся новизны, а бойся пустозвонства [Текст] / А. Ганиева // Знамя. – 2010. – № 3. – С. 140–141.
6. Ганиева, А. А. Серым по серому. Роман Сенчин [Текст] / А. Ганиева // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 230–240.
7. Голяков, А. Интервью Захара Прилепина [Электронный ресурс] / А. Голяков // Журналист. – 2013. – № 10. – Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/pressa/intervyu/zhurnalist.html>
8. Гуцко, Д. Высоконравственная затея [Текст] / Д. Гуцко // Вопросы литературы. – 2007. – № 4. – С. 101–105.
9. Жернакова, О. Роман Сенчин: [писатель, презентация книги «Зона затопления»] [Текст] / О. Жернакова // Шанс. – 2015. – № 28. – С. 17–18.
10. Журов, А. В. Постскрипtum: о книге Романа Сенчина «Зона затопления» [Текст] / А. В. Журов // Новый мир. – 2015. – № 10 – С. 159–160.

11. Золотухина – Аболина, Е. В. Современная этика [Текст]: учебное пособие для студентов вузов / Е. В. Золотухина – Аболина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «МарТ», 2005. – 416 с.
12. Иванова, Н. Б. Современная русская литература: метасюжет и его восприятие [Текст]: автореф. дис. ... д. филол. наук / Н. Б. Иванова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2006. – 38 с.
13. Иванова, Н. Спецназ и аристократы. Литературные группировки новейшего времени [Текст] / Н. Иванова // Знамя. – 2011. – № 9. – С. 167–172.
14. Ковтун, Н. В. Историоризация мифа: от благословенной матери к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) [Текст] / Н. В. Ковтун // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4(17). – С. 81–87.
15. Лебедушкина, О. Реалисты-романтики [Электронный ресурс] / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2006. – № 11. – Режим доступа: <http://sankya.ru/otzivi/olga-lebjodushkina-realistiromantiki.html>
16. Маркова, Д. Отсутствие неба над головой [Текст] / Д. Маркова // Знамя. – 2010. – № 10. – С. 211–213.
17. Мережинская, А. Ю. Художественная специфика русской «миддл-литературы» (на материале прозы 2000–х гг.) [Текст] / А. Ю. Мержинская // Русская литература. Исследования: сб. научных трудов. – Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. – К: БиТ, 2008. – Вып. XII. – С. 6–26.
18. Морозов, С. Хроники «потопа» [Электронный ресурс] / С. Морозов // Молоко. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://moloko.ruspole.info/node/5368>
19. Пономарева, Т. А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина [Текст] / Т. А. Пономарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т.22, № 2. – С. 274–281.

20. Пустовая, В. Иск маленькому человеку [Электронный ресурс] / В. Пустовая // Новый мир. – 2009. – № 12. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/12/pu13.html
21. Пустовая, В. Новое «Я» современной прозы: об очищении писательской личности (В. Маканин, С. Гандлевский, Р. Сенчин, И. Кочергин) [Текст] / В. Пустовая // Новый мир. – 2004. – № 8. – С. 152–173.
22. Пустовая, В. Пораженцы и преображенцы [Текст] / В. Пустовая // Октябрь. – 2005. – № 5. – С. 123–124.
23. Роднянская, И. Б. Род Атридов: [роман Р. Сенчина «Елтышевы»] [Текст] / И. Б. Роднянская // Вопросы литературы. – 2010. – № 3. – С. 272–278.
24. Ротай, Е. М. Константы художественного мира в повестях Р. Сенчина [Электронный ресурс] / Е. М. Ротай // Научный журнал КубГАУ. – 2012. – № 77. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstanty-hudozhestvennogo-mira-v-povestyah-r-senchina>
25. Рудалёв, А. Катехизис «нового реализма». Вторая волна. Не так страшен «новый реализм», как его малюют [Электронный ресурс] / А. Рудалёв // Русский писатель. – 2010. – Режим доступа: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm>
26. Рудалёв, А. Обитель человеческих душ [Электронный ресурс] / А. Рудалёв // Литературная Россия. – 2014. – № 15. – Режим доступа: <http://old.litrossia.ru/2014/15/08777.html>
27. Сенчин, Р. Абакан в моих книгах фигурирует часто: [интервью с российским писателем] [Текст] / Р. Сенчин // Шанс. – 2015. – № 28. – С. 17–18.
28. Сенчин, Р. Каждый день достоин описания [Текст] / Р. Сенчин // Культура. – 2005. – № 50. – С. 5–6.
29. Сенчин, Р. Новый реализм – направление нового века [Электронный ресурс] / Р. Сенчин // Пролог. – 2001. – № 3. – Режим доступа: <http://www.ijp.ru/text/260>

30. Сенчин, Р. Роман Сенчин: «Людей ломало постепенно»: [беседа с писателем Р. Сенчиным / беседовала Алена Солнцева] [Текст] / Р. Сенчин // Огонек. – 2015. – № 19. – С. 36–37.
31. Серова, А. А. Новый реализм как художественное течение в русской литературе XXI века [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Серова; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2015. – 290 с.
32. Славина, А. Б. Роман З. Прилепина «Обитель»: метафизическое пространство Соловков [Текст] / А. Б. Славина // Вестник Череповецкого университета. – 2016. – № 2. – С. 92–95.
33. Сухих, О. С. «Очень своевременные книги» (о традициях Ф. М. Достоевского и М. Горького в романе Захара Прилепина «Санька») [Текст] / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 6. – С. 290–296.
34. Сухих, О. С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента» [Текст] / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. – 2015. – № 1. – С. 297–304.
35. Теракопьян, Л. На краю: Роман Сенчин и его герои [Текст] / Л. Теракопьян // Дружба народов. – 2005. – № 3. – С. 202–210.
36. Толмачева, О. В. Правда о «голом человеке» (по роману З. Прилепина «Обитель») / О. В. Толмачева // Концепт. – 2016. – Т. 42. – С. 83–87.
37. Хлыстова, А. Позитивный образ в литературе. И немного о творчестве Захара Прилепина [Электронный ресурс] / А. Хлыстова // День литературы. – 2015. – № 1. – Режим доступа: http://denlit.ru/index.php?articles_id=437&view=articles
38. Черняк, М. А. Эхо Серапионов в контексте прозы начала XXI [Электронный ресурс] / М. А. Черняк // Уральский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/v/eho-serapionov-v-kontekste-prozy-nachala-xxi-veka>

39. Этика [Текст]: учебник для вузов / под общей редакцией А. А. Гусейнова и Е.Л. Дубко. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2004. – 496 с.
40. Шаргунов, С. Отрицание траура [Электронный ресурс] / С. Шаргунов // Новый мир. – 2001. – № 12. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html
41. Юрьев, Д. Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Ю. Юрьев. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2016. – 28 с.

II. Список источников:

1. Прилепин, З. Обитель [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – М.: АСТ. – 2014. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/487570-zahar-prilepin-obitel.html>
2. Прилепин, З. Санья [Электронный ресурс] / З. Прилепин. – М.: Ad Marginem. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/208567-zahar-prilepin-sankya.html>
3. Сенчин, Р. В. Елтышевы [Электронный ресурс] / Р. В. Сенчин. – М.: Эксмо. – 2009. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/206963-roman-senchin-eltyshevy.html>
4. Сенчин, Р. В. Зона затопления [Электронный ресурс] / Р. В. Сенчин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной. – 2015. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/russian-contemporary/547786-roman-senchin-zona-zatopeniya.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Ход читательской конференции «Нравственная проблематика романа Р. Сенчина «Зона затопления»

Приём «Незаконченное предложение»

Роман Р. Сенчина «Зона затопления» мне понравился тем, что _____.

Герои произведения _____.

В начале повествования они предстают перед читателем _____,

но под влиянием тех событий, которые им пришлось пережить, они меняются: _____.

Роман учит нас _____.